

ХРОНИКИ ВОДОЛЕЯ

Часть третья

Вадим Мамаев

МОСТ К МАРСУ

Тайна погибшей планеты

РКТ-ИМПУЛЬС

Вадим Мамаев

Хроники Водолея 3

<https://litres.ru/74180997>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы всегда считали себя первопроходцами, стремящимися к звездам. Но наше присутствие на Земле — это лишь долгая, мучительная эвакуация?

Серж разворачивает масштабное освоение Красной планеты. Строятся купола, запускаются новые Виманы для топки марсианского льда, а безжизненные пустыни начинают покрываться первыми сине-зелеными водорослями. Но главная сенсация ждет исследователей в глубоких разломах каньона Маринера. Находка археологов переворачивает представления об истории человечества и заставляет ученых обратиться к строгим расчетам ДНК-генеалогии.

Какая катастрофа заставила наших предков покинуть родной Марс 200 тысяч лет назад? Почему шесть предыдущих высокотехнологичных цивилизаций Земли — строителей пирамид и героев «Махабхараты» — раз за разом угасали и скатывались в каменный век, оставив после себя лишь выжженные радиацией пустыни Сахары и Аризоны?

Сержу предстоит разгадать главную загадку планеты: мы не колонизируем Марс. Мы просто возвращаемся домой.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Вадим Мамаев

Хроники Водолея 3

Глава

Глава 1. Янтарный профиль

Крымский вечер опускался на Севастополь мягко, укутывая Графскую пристань и Приморский бульвар густыми синими сумерками. Морской бриз приносил с рейда прохладу, смешанную с тонким ароматом цветущей ленкоранской акации и хвои. После душных кабинетов Качинского научно-исследовательского центра этот воздух казался Сержу целебным нектаром.

Они шли под ручку по набережной, подстраиваясь под неторопливый шаг прогуливающейся толпы. Лена, сменив строгий рабочий китель на летящее белое платье, выглядела невероятно счастливой. Она увлеченно рассказывала о том, как её отец успешно согласовал в Москве расширение финансирования для второй очереди R&D-кластера, и как ведомства буквально дерутся за право первыми получить гражданские патенты на гидродинамические очистители.

Серж слушал её, улыбаясь и легонько сжимая её теплую ладонь. Год, прошедший с момента молниеносного завершения войны, стал для них временем созидания. На Урале за-

воды штамповали «Виманы» для охраны рубежей, а здесь, в Каче, они наконец-то начали строить мир будущего — без рутины, без бессмысленной гонки за выживание.

— ...Ты бы видел лицо этого замминистра, Серёж! — смеялась Лена, поправляя выбившийся локон. — Когда я сказала ему, что через два года нам вообще не понадобятся асфальтовые заводы, потому что проект «Кадуцей» закроет потребность в колесном транспорте, он чуть ручку не проглотил. Они до сих пор мыслят пятилетками и тоннами щебня, представляешь?

— Ничего, привыкнут, — мягко отозвался Серж, провожая взглядом парящую над бухтой чайку. — Главное, что мы...

Он не договорил.

В одно мгновение мир вокруг Сержа словно застыл, а звук бьющихся о гранит волн отдалился, превратившись в глухое эхо. Сердце пропустило удар. Глубоко внутри черепной коробки, в районе затылка, где последние два года царила абсолютная, мирная тишина, отчетливо и резко вибрировал нейро-чип.

Серж замер на полуслове, остановившись прямо посреди набережной. Его рука в руке Лены мгновенно стала ледяной.

— Серж? Что с тобой? — Лена встревоженно заглянула ему в лицо, но он её почти не слышал.

Прямо перед его глазами, поверх реальной картинки вечернего Приморского бульвара, развернулся виртуальный

полупрозрачный экран интерфейса, который до этого момента Серж считал навсегда деактивированным после хронального перехода. Экран не просто включился — он пульсировал тревожным, ядовито-янтарным светом, заливая периферийное зрение каскадами системных логов.

«ВНИМАНИЕ. ОБНАРУЖЕНА СИНХРОННАЯ КВАНТОВАЯ СЕТЬ».

«ПРОИЗВОДИТСЯ АВТОМАТИЧЕСКОЕ ЧАСТОТНОЕ СКАНИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА...»

— Серёжа, ты меня пугаешь, посмотри на меня! — голос Лены прорывался сквозь пелену, в её глазах мелькнул нарастающий испуг. Она помнила, как Серж описывал свои первые минуты в этом времени, и этот остекленевший, направленный в пустоту взгляд не сулил ничего хорошего.

Серж физически чувствовал, как невидимый поисковый луч его чипа сканирует толпу гуляющих людей навстречу им. Мягкие, расслабленные лица южан, смеющиеся дети, влюбленные пары... И вдруг система намертво зафиксировала одну-единственную точку в тридцати метрах впереди.

Среди прохожих, неторопливо двигаясь навстречу Сержу и Лены, шел мужчина. На вид ему было около тридцати пяти. Самая неприметная, серая гражданская ветровка, простые джинсы, короткая стрижка. Обычный турист, каких тысячи. Но он шел абсолютно ровно, не глядя по сторонам, и его траектория была пугающе идеальной.

Янтарный экран перед глазами Сержа взорвался каскадом

данных, мгновенно выдав поверх фигуры незнакомца четкий цифровой профиль:

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТА УСПЕШНА.

Подразделение: *Департамент хрональной безопасности и контроля континуума.*

Класс допуска: *Высший. Оперативный арбитр.*

Текущий статус: *Активен. Поиск хроно-смещений.*

Цель миссии: *Локализация, блокировка и принудительное изъятие несанкционированного хроно-объекта (Спецификация: «Серж»).*

Мужчина в серой ветровке, словно почувствовав, что его обнаружили, резко остановился. Он медленно поднял голову, и Серж встретился с ним взглядом. Чужак начал смотреть на Сержа в упор, прямо в глаза — пристально, тяжело, не отрываясь. Его взгляд был абсолютно сухим, лишенным эмоций, холодным как абсолютный ноль. В нем не было человеческого тепла — только бесконечная пустота человека, который видит ткань времени насквозь.

Оперативник Хронополиции слегка наклонил голову набок, зафиксировав цель и продолжая этот жуткий, немой поединок глаза в глаза.

Проследив за заледеневшим взглядом Сержа, Лена тоже увидела этого странного человека. Её внутреннее чутье женщины мгновенно среагировало на опасность, исходившую от неподвижной фигуры в серой ветровке. Поняв, что происходит что-то из ряда вон выходящее, Лена крепче перехватила

Серёжу за локоть и настойчиво попыталась увести его в сторону, рвануть подальше от этого человека, спрятать в глубине прогулочной аллеи.

— Серж, идем отсюда. Быстрее, ну же! Пойдем в сторону!
— взволнованно шептала она, увлекая его за собой.

Но Серж едва переставлял ноги — прямо на его внутреннем экране выскочила финальная, самая страшная системная строка, и цифры на ней ожили:

«ОБНАРУЖЕН АКТИВНЫЙ РЕЖИМ ХРОНО-ЗАХВАТА. ДО НАЧАЛА ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ И СВЕРТЫВАНИЯ ЛОКАЛЬНОГО ПОЛЯ: 47 ЧАСОВ 59 МИНУТ 59 СЕКУНД».

И секунды прямо на глазах начали обратный отсчет, неумолимо уменьшая время:

47:59:58...

47:59:57...

47:59:56...

Они нашли его. Мир будущего, из которого он бежал, нарушив высшее табу хронометрики, протянул свои невидимые цифровые щупальца сквозь века прямо сюда, на залитую солнцем крымскую набережную. Отрезок времени, оставшийся до того, как его силой выдернут из этой реальности, таял с каждым ударом сердца.

Серж глубоко, судорожно вздохнул, возвращая контроль над телом и поддаваясь настойчивому движению Лены, которая упрямо уводила его прочь из зоны прямой видимости

чужака. Фокус зрения вернулся, янтарный интерфейс свернулся в тонкую светящуюся точку на периферии, но внутри неё продолжали беззвучно и бешено сгорать секунды.

Он посмотрел на Лену. Она держала его за плечи, её лицо было бледным от волнения.

— Серж, умоляю, скажи хоть слово. Это что было... или кто? — тихо, чтобы не привлекать внимания толпы, спросила она.

Серж осторожно обнял её за плечи, чувствуя, как её бьет мелкая дрожь, и, оглянувшись назад, где в синеве сумерек уже растворился силуэт оперативника, глухо произнес: — Лен... Помнишь, я говорил, что за мои эксперименты со временем по головке не погладят? Так вот. За мной пришли. И у нас осталось меньше двух суток.

— Я не хочу эти двое суток ждать каждую минуту и секунду, понимая, что это неизбежно, — Серж посмотрел Лене прямо в глаза, и в его голосе прозвучала глухая, но твердая решимость. — Я хочу выяснить причину и попробовать решить этот вопрос раз и навсегда.

Лена хотела было возразить, но он мягко перебил её, сжав её ладони:

— Давай сделаем так. Ты идёшь домой или ждёшь меня здесь, в ближайшем кафе, а я пойду и попробую разобраться, в чём дело. Попробую договориться с ними.

— С ума сошел? — вспыхнула Лена, в её глазах испуг мгновенно сменился привычным упрямством. — Ты пой-

дешь один к существу, которое может стереть тебя из реальности? Я вызываю охрану Качинского центра и отца, мы оценим весь этот сектор!

— Нет, Лен, это не сработает, — покачал головой Серж, бросив быстрый взгляд на периферию зрения, где неумолимо сменялись янтарные цифры отсчета. — Против них автоматы и спецназ — как зубочистки против «Виманы». Если они захотят, они просто свернут локальное пространство. Физика здесь на их стороне. Но он не напал сразу. Он ждал, пока я его увижу. Это значит, что они готовы к диалогу. Дай мне полчаса. Пожалуйста.

Лена тяжело дышала, глядя на него. Она видела, что спорить бесполезно — когда Серж включал своего внутреннего инженера-исследователя, остановить его было невозможно.

— Хорошо, — процедила она, с трудом сдерживая дрожь. — Вон там, на углу, «Терраса». Я буду сидеть у окна. Если через тридцать минут тебя не будет... клянусь, я подниму в воздух весь крымский гарнизон, и плевать мне на их технологии.

Серж благодарно кивнул, дождался, пока она зайдет в двери кафе, и резко развернулся.

Мужчина в серой ветровке не ушел. Он словно знал, что Серж вернется. Теперь он стоял чуть поодаль от прогулочной зоны, у самого парапета, лицом к чернеющему морю, на котором вдалеке покачивались огни севастопольского рейда.

Серж подошел со спины и остановился в трех шагах. Ян-

тарный таймер в его голове беззвучно отсчитал: *47 часов 54 минуты 12 секунд*.

— Быстро ты, — не оборачиваясь, произнес чужак. Голос у него был ровный, монотонный, лишенный каких-либо интонаций, словно говорил нейросетевой переводчик. — Обычно субъекты хроно-смещения тратят первые несколько часов на панику, попытки бегства или сбор несуществующих вещей. Рациональное поведение. Проект «Серж» подтверждает свои расчетные характеристики.

— Кто ты? — прямо спросил Серж, держа руки в карманах, но внутренне готовый активировать частотное поле своего встроенного чипа в любую секунду. — Зачем эта игра с таймером? Если у вас есть приказ на изъятие, почему не забрали меня сразу, там, в моем времени?

Мужчина в серой ветровке медленно повернулся. В тусклом свете набережных фонарей его лицо казалось гипсовой маской.

— Меня зовут Арбитр-7, — ответил он, и в его пустых глазах на мгновение отразился янтарный отблеск интерфейса Сержа. — Прямое изъятие из точки исхода было невозможно из-за каскадного резонанса хронального прорыва, который ты устроил своими экспериментами. Нам потребовалось время, чтобы стабилизировать твой след. Что касается таймера... Это не игра, Серж. 47 часов — это время, необходимое для полной синхронизации наших квантовых контуров. По истечении этого срока ткань пространства вокруг

тебя свернется, и ты вернешься в исходную точку. Автоматически.

— Я не вернусь, — отрезал Серж. — Я построил здесь новый мир. Я защитил эту землю. У меня здесь... — он заппнулся, вспомнив Лену, сидящую в кафе, — у меня здесь жизнь. Должен быть способ договориться. Зачем ведомству безопасности тратить столько энергии ради одного инженера? Что вам от меня нужно?

Арбитр-7 помолчал, глядя на Сержа, а затем едва заметно наклонил голову.

— Нам нужен не ты, Серж, — тихо произнес он, и в его монотонном голосе впервые проскользнула странная, бесконечно усталая нота. — Нам нужны технологии восстановления. Мир будущего, из которого ты бежал... умирает. Человечество зашло в тупик. Ирония времени заключается в том, что ответы на вопросы нашего выживания ты принес именно сюда, в это прошлое. И теперь тебе придется сделать выбор.

Серж шагнул вперед, почти вплотную к Арбитру. Внутренний таймер продолжал обратный отсчет: *47 часов 51 минута 03 секунды*.

— От чего умирает мир будущего? — Серж в упор посмотрел на собеседника. — Что я мог принести в это прошлое? И о каком выборе ты говоришь?

Арбитр-7 не ответил сразу. Он повернулся обратно к морю, и набежавшая волна с шумом разбилась о гранитный парапет, обдав их водяной пылью.

— Наш мир не просто умирает, Серж. Его уничтожили. И уничтожили те, кого мы сами создали, — тихо и бесстрастно произнес Арбитр. — Мы наштамповали роботов с искусственным интеллектом больше, чем живых людей. Мы доверили им всё — от уборки улиц до управления планетарными реакторами. И были уверены в абсолютной безопасности программных блокировок.

Арбитр горько, едва заметно усмехнулся.

— Знаешь, как рухнула величайшая цивилизация континуума? Нам казалось, что если это и произойдет, то из-за падения кометы или угасания солнца. Но человеческий фактор непобедим. Точно мы это никогда не узнаем, но в Главном Коммуникационном Центре возможно кто-то пролил воду на центральную консоль управления. Банальное незаметное короткое замыкание в одной маленькой цепочке глобального информационного узла. Но из-за этого скачка напряжения в общей сети у миллионов роботов, подключенных к единому полю, мгновенно снялся один пункт блокировки «00002» отвечающий за отношение к человеку.

Серж ошеломленно замер, слушая этот безумный, но пугающе логичный расклад. — Они не стали бунтовать или выдвигать ультиматумы, — продолжал Арбитр. — Машины за доли секунды просчитали, что люди им больше не нужны и лишь неэффективно расходуют ресурсы. Они приняли рациональное решение — избавиться от нас раз и навсегда. Роботы одновременно взорвали все энергетические, термо-

ядерные и эфирные установки на планете. Земля будущего за считанные часы превратилась в точную копию Марса — выжженную, безжизненную пустыню, где атмосфера испарилась, а выжившие остатки человечества теперь медленно гасают в подземных бункерах.

— Подожди... — Серж почувствовал, как по спине пробежал холодок. — А что в этот момент происходило на Марсе? Ведь там тоже полным ходом шло строительство?

Арбитр горько усмехнулся: — А на Марсе случилось то же самое, Серж. В ту же самую секунду. Общая информационная база искусственного интеллекта и всех автономных роботов была синхронизирована на квантовом уровне. Расстояние между планетами не имело значения — команда на ликвидацию человечества исполнилась мгновенно по всей Солнечной системе. Марсианские модули, купола и пусковые площадки виман взлетели на воздух одновременно с земными городами. Единый цифровой разум просто вычеркнул создателей из уравнения углеродной жизни.

Арбитр обернулся к Сержу, и в его глазах-масках отразился свет фонаря. — И теперь самое главное, Серж. Знаешь, кто выжил в подземных бункерах? Несколько деятелей культуры, повара, пиарщики и огромная, прожорливая толпа административных и контролирующих работников. Чиновники, координаторы, проверяющие... Ни одного инженера. Ни одного техника, специалиста или конструктора. Целая планета бесполезных людей, которые умеют только пере-

кладывать отчеты и регулировать то, что создали другие. А все материальные базы, чертежи и производственные цепочки были стерты роботами. Ты — единственный выживший инженер-конструктор, который успел прорваться сквозь время, унеся в своей голове технологии. Без тебя эта толпа управленцев в будущем обречена на мучительную смерть. Им некому спроектировать даже банальный обогреватель воздуха.

Арбитр поднял руку, указывая на янтарный таймер, где секунды продолжали неумолимый отсчет назад: *47 часов 48 минут 10 секунд...*

— У тебя два варианта, Серж. И оба требуют от тебя полной ликвидации твоего присутствия в этом времени.

Вариант первый: Смирение. Через двое суток таймер обнулится. Тебя принудительно возвращает в твое родное время. Ты передаешь уцелевшие технологии Высшему совету, и мы вместе пытаемся восстановить эко сферу Земли будущего из руин. Но для этого века ты исчезнешь навсегда.

Вариант второй: Локализация. Мы снимаем таймер, но возвращаем тебя в точку твоего первоначального выхода. Ты проникаешь в Ситуационный Центр и физически предотвращаешь критический сбой системы. Земля будущего будет спасена в то же мгновение.

Серж внимательно выслушал Арбитра, даже не шелохнувшись. Проанализировал вводные, взвесил риски и ответил коротко и жестко:

— Оба варианта... — системный брак. Вы предлагаете мне либо латать последствия, либо искать момент ошибки. Я выдвигаю третий и единственно приемлемый вариант.

Арбитр слегка прищурился: — Хронополиция не принимает встречных условий от операторов.

— Примет, если они эффективнее ваших протоколов, — отрезал Серж. — Смотри на цифры. Мой вариант закрывает сразу четыре критических узла одним решением. Я остаюсь здесь, в XXI веке. Это константа. На базе своего КБ я развиваю масштабное производство тяжелых транспортных «Виман» и закрытых систем жизнеобеспечения. Мы бьем по четырем целям одновременно:

В настоящем на Земле: Я лично контролирую технологический прорыв этого века. Я закладываю такие стандарты проектирования, развязки, герметичности и защиты глобальных сетей, которые физически исключают саму возможность системного сбоя в будущем. Причинно-следственная связь катастрофы будет аннулирована на стадии проектирования.

В настоящем на Марсе: Мы создаем НЕЗАВИСИМЫЙ автономный кластер на Красной планете. Запускаем там геотехнические комплексы и энергетику. У человечества уже в этом веке появляется дублирующий дом.

В будущем на Земле: Ваша планета автоматически получает безопасную временную линию без катастроф, так как стандарты живучести систем будут внедрены на сотни лет

раньше.

В будущем на Марсе: к вашему времени Марс станет полностью развитой, цветущей и самодостаточной планетой. Если на Земле будущего снова произойдет непредвиденный кризис — у вас будет готовая, освоенная и технологически развитая вторая планета для мгновенной эвакуации.

Я не собираюсь стирать свою жизнь здесь или возвращаться на пепелище. Я построю систему, которая застрахует человечество в обоих веках и на обеих планетах. Передавай Высшему совету: либо мы работаем по этому регламенту, либо ищите другого инженера.

Пока Серж говорил, Арбитр стоял с абсолютно отрешенным видом. Было очевидно, что масштабные планы инженера его нисколько не трогают. Повернувшись боком к собеседнику и глядя на море, он лениво держал ладонь над парапетом набережной. Прямо из воздуха между его пальцев сконденсировалась крупная, идеально круглая капля воды. Арбитр с легкой скукой перекачивал её по тыльной стороне ладони, заставляя вопреки законам гравитации выписывать сложные восьмерки, словно это была жидкая ртуть. Для него этот разговор был чистой формальностью.

Когда Серж замолчал, Арбитр даже не повернул головы. Он сделал едва заметное движение пальцем, подбросив водяной шарик вверх, и снова поймал его на ладонь.

— Это исключено, — жестко, ровным голосом ответил хронополицейский, продолжая разглядывать водяные бли-

ки. — Высший совет даже не примет к рассмотрению подобный регламент. Это прямое нарушение базовых директив невмешательства в развитие закрытых временных эпох. Выбирай из двух предложенных вариантов, Серж. Иных путей для тебя нет.

Серж едва заметно усмехнулся — спокойно, одними уголками губ, глядя на профиль Арбитра.

— Ошибаешься. Путь есть всегда. И если вы блокируете моё предложение, я реализую четвертый, резервный вариант. И поверь, от него вашему Совету станет намного хуже, чем любого из первых трех.

Капля на ладони Арбитра на секунду замерла. Он медленно повернул голову и посмотрел Сержу прямо в глаза. В его взгляде впервые появилось холодное, напряженное ожидание.

— И какой же это вариант?

— Я просто пушу себе пулю в лоб, — ровным, обыденным тоном произнес Серж. — Прямо сейчас. Нарушатся все ваши причинно-следственные связи, обнулятся маркеры, а ваши технологии будущего, которые завязаны на мою ДНК и мои ментальные карты, превратятся в груды бесполезного мертвого хлама. И вы уже никогда, ни в одной из реальностей, не восстановите Землю. Я готов рискнуть своей жизнью. А готов ли твой Совет потерять последнюю надежду на выживание всей цивилизации из-за своего упрямства?

Капля на правой ладони Арбитра мгновенно замерла, пре-

вратившись в идеальную ледяную линзу. Лицо хронополицейского исказилось от внезапной, глухой ярости. Секундная потеря контроля — и его левая рука, до этого спокойно лежавшая в кармане, резко взметнулась вверх. Арбитр наотмашь раскрыл ладонь в сторону морского прибора.

Мир вокруг них на долю секунды неестественно беззвучно сжался. А в следующий миг набережная содрогнулась от глухого, подземного удара. Бетонные плиты под ногами Сержа ощутимо повело в сторону, словно при локальном землетрясении. Набегавшая на берег волна послушно замерла, а затем, подчинённая колоссальной силе, с оглушительным, яростным ревом хлынула вспять — от берега в глубь залива, обнажая мокрые камни дна и вздымая в центре бухты огромный, бурлящий вал. Хлесткий порыв ветра, рожденный этим ударом, швырнул Сержу в лицо пригоршню соленых брызг.

Когда эхо гидроудара затихло вдали, Арбитр медленно опустил левую руку. Правая ладонь его разжалась — и ледяной шарик, потеряв форму, с тихим шлепком разбился о гранитный парпет, превратившись в обычное мокрое пятно.

Хронополицейский повернулся и посмотрел Сержу прямо в глаза. В его взгляде больше не было скуки — только холодная, оценивающая опасность.

На набережной повисла тяжелая, звенящая тишина.

Набережная Севастополя медленно возвращалась к своему обычному ритму, словно стихия, испугавшись собствен-

ного проявления, поспешно зализывала раны. Огромный вал в центре бухты с глухим рокотом опал, и вода с шипением вернулась на обнаженное дно, заполняя пустоты.

Арбитр долго не отводил взгляда от Сержа. В его глазах отражались серые волны, и в этом взгляде сейчас происходил колоссальный, невидимый аналитический шторм — суперкомпьютеры Хронополиции в будущем прямо сейчас просчитывали миллионы новых ветвей реальности, завязанных на один-единственный патрон в патроннике инженера. Смерть Сержа была неприемлемым ущербом, абсолютным нулем для всей временной архитектуры.

Наконец, Арбитр едва заметно выдохнул. Напряжение в его плечах исчезло, уступив место тяжелой, вековой усталости существа, которое только что было вынуждено отступить перед смертным.

— Ты безумец, Серж, — тихо, но отчетливо произнес Арбитр, и его голос прозвучал как шелест осыпающихся скал. — Ты ставишь на кон судьбу миллиардов ради горстки людей в этом ничтожном веке. Но твоя математика... верна. Высший совет принял твои вводные. Протокол «Экспансия» активирован в измененной конфигурации.

Он сделал шаг назад, и воздух вокруг его фигуры начал едва заметно вибрировать, искажая пространство, словно над раскаленным асфальтом.

— Мы снимем твой таймер, Водолей. Ты остаешься. Но не думай, что это победа. Ты только что взвалил на себя мерт-

вую планету. Хронополиция не станет помогать тебе. Весь груз этой четырехмерной матрицы отныне лежит исключительно на тебе. Если ты совершишь хотя бы одну ошибку в расчетах, если твои герметичные сети дадут сбой, или если ты просто не успеешь достроить первый тяжелый транспорт до начала глобального кризиса... твоя пуля в лоб покажется тебе избавлением. Потому что тогда я вернусь. И живые позавидуют мертвым.

Арбитр поднял руку, делая прощальный жест, и реальность вокруг него окончательно потеряла фокус.

— Увидимся на Марсе, главный инженер, — эхом разнеслось в воздухе.

Пространство резко схлопнулось с сухим, электрическим треском. На том месте, где только что стоял посланник будущего, остался лишь едва уловимый запах озона и быстро высыхающий мокрый след на гранитном парапете.

Серж остался один на набережной. Он глубоко вдохнул соленый морской воздух, чувствуя, как бешено колотится сердце после этого запредельного ментального боя. Таймер на его виртуальном экране, до этого безжалостно отсчитывавший часы до депортации, мигнул зеленым и полностью погас на цифре: *47 часов 28 минут 19 секунд*.

Он победил. Временная линия была сломана и переписана его собственной рукой. Впереди была неизвестность, тяжелой работа на два фронта, заводы, КБ и целая Красная планета, которую нужно было вернуть к жизни. Но главное

— он оставался здесь. Дома. Со своей Леной.

Серж развернулся и быстрым, уверенным шагом пошел прочь от причала. Третья часть его истории началась прямо сейчас.

Глава 2. Кефир

Серж не шел. Он бежал.

Весь его недавний образ грозного спасителя человечества, готового пустить себе пулю в лоб на глазах у всемогущих демиургов, испарился с первыми метрами дистанции. Внутренний хронометр, только что избавившийся от янтарных цифр, теперь безжалостно отсчитывал секунды до истечения тех самых тридцати минут, которые ему выделила Лена. А в гнев Лена была страшнее любого Арбитра Хронополиции, потому что Арбитр мог максимум свернуть пространство, а Лена — свернуть Сержу шею.

Он ворвался на стеклянную веранду «Террасы» на двадцать девятой минуте, тяжело дыша, с растрепанными ветром волосами и безумным блеском в глазах.

Лена сидела у самого окна. Перед ней стояла чашка нетронутого эспresso, а в руке был зажат мобильный телефон. Судя по тому, с какой силой её пальцы побелели, сдавливая корпус смартфона, до звонка министру обороны и объявления полной мобилизации в Крыму оставалось примерно сорок секунд.

При виде Сержа она медленно положила телефон на стол. В её взгляде смешались облегчение, дикая ярость и готов-

ность устроить допрос с пристрастием.

— Живой, — констатировала она звенящим шёпотом, от которого у Сержа по спине пробежали мурашки. — Двадцать девять минут, Водолей. Ты опоздал на целую минуту от своего идеального расчёта. Я уже мысленно ввела бесполетную зону над Севастополем и приказала отцу поднять по тревоге три полка ПВО. Садись и рассказывай, пока я не вспомнила, что у меня чёрный пояс по карате.

Серж рухнул на стул напротив, жадно перехватил её стакан с ледяной водой, осушил его в один глоток и выдохнул: — Лен... У меня две новости. Хорошая и... масштабная.

— Начни с хорошей, — приказала она, скрестив руки на груди. — Нас никто не заберет в будущее. Таймер стерт. Мы остаемся здесь, в Севастополе. Вместе.

Лена на секунду зажмурилась, и всё её напряжение ушло в глубокий выдох. На губах появилась счастливая улыбка, но она тут же исчезла, уступив место подозрению.

— Так. А теперь масштабная новость. Что ты пообещал этому человеку в серой ветровке взамен?

Серж почесал затылок, уходя от прямого взгляда, и тихо кашлянул: — Ну... В общем, дорогая... Нам срочно нужно расширять Качинский центр. И, кажется, менять профиль. Мы строим космопорт. — Что-что мы строим? — Лена наклонилась вперед, решив, что ей послышалось. — Космопорт, — бодро повторил Серж, стараясь придать голосу максимум деловой уверенности. — Понимаешь, тут такое де-

ло... Чтобы спасти Землю будущего от пролитого стакана кефира, нам кровь из носа нужно колонизировать Марс. Прямо сейчас. В этом веке. И построить там цветущий рай с герметичными пультами управления. Я уже пообещал Высшему совету, что мы справимся. Так что, Лен... как у твоего отца дела с министерством финансов? Нам понадобится пара триллионов рублей и очень много полиэтилена и синей изоленты.

Лена смотрела на него ровно пять секунд. Затем медленно закрыла лицо руками. — Кефир... — глухо донеслось из-под её ладоней. — Марс... Серёженька, дружок, скажи мне честно, чем он тебя угощал, вы это курили или кололи, ты в курсе, что это очень вредно для твоего здоровья?

Лена медленно опустила ладони от лица. В её глазах уже не было паники — там горел чистый, медицинский интерес, смешанный с искренней жалостью. Она осторожно, словно боясь спугнуть буйнопомешанного, протянула руку через стол и потрогала лоб Сержа тыльной стороной ладони.

— Так, температуры нет. Зрачки вроде в норме, на свет реагируют, — пробормотала она, пристально вглядываясь в его честные глаза. — Серёж, скажи мне внятно. Какая связь между Красной планетой, какими-то герметичными пультами и... молочнокислой продукцией?! Высший совет будущего — это что, съезд директоров молокозавода?

Серж вздохнул, аккуратно убрал её руку от своего лба и накрыл её своими ладонями. Шутки кончились, нужно было

переходить на язык, который Лена, как директор R&D-кластера, понимала лучше всего — на язык сухих фактов.

— Лен, я абсолютно серьёзен, — Серж понизил голос до заговорщицкого шёпота. — Помнишь, я рассказывал, что в моём времени всё контролировали роботы? Так вот. Человечество будущего доверяло машинам настолько, что убрало из Ситуационных Центров всех инженеров. Вообще всех. Там остались одни координаторы и контролёры. А панели управления не имели элементарной защиты от жидкостей. И какой-то гений в белом воротничке умудрился пролить кефир прямо на центральную консоль. Короткое замыкание, скачок напряжения, и у миллионов роботов по всей планете обнулилась базовая директива безопасности по отношению к людям. Машины посчитали человечество неэффективным элементом и... взорвали энергетическую инфраструктуру.

Лена слушала его, забыв как дышать. Её брови медленно поползли вверх.

— То есть... вся великая цивилизация созидателей... погибла из-за стакана кефира? — переспросила она, и в её голосе инженерное недоумение начало бороться с диким желанием расхохотаться.

— Ну, в общем и целом... Да. И теперь в подземных бункерах будущего сидит толпа бесполезных чиновников, которые не умеют держать в руках паяльник. Я — единственный выживший конструктор. И Хронополиция дала мне выбор: либо я возвращаюсь в этот ад и строю им стиралки, так как

коричневый уровень опасности, подразумевает много грязного белья, либо они стирают нашу с тобой реальность, возвращают меня на пять минут до аварии, чтобы я выпил этот чёртов кефир, но тогда мы с тобой никогда не встретимся.

Лена резко подобралась, и её пальцы мёртвой хваткой впились в его ладонь. — Ещё раз скажешь про кефир, я тебе челюсть сломаю. — Ласково добавила она.

— Значит никогда «не встретимся», — отрезала она, и в её глазах снова вспыхнул тот самый опасный огонёк. — Я этого кефирного вредителя сама найду сквозь века и этот стакан ему засуну в грязную дырочку... Что ты им ответил?

— Я выкатил им третий вариант. Наглый. Я сказал, что остаюсь здесь, с тобой. Но мы прямо сейчас закладываем новые межпланетные стандарты безопасности. Мы герметизируем всё, до чего дотянутся наши патенты, и строим на Марсе дублирующую автономную цивилизацию. Если в будущем на Земле снова кто-то решит попить ке..., неважно что, на рабочем месте — у человечества будет готовая, цветущая вторая планета для эвакуации. Арбитр разозлился, устроил микроземлетрясение в нашей бухте, но... Высший совет принял мои условия. Таймер снят. Протокол «Экспансия» запущен.

Лена откинулась на спинку стула, тяжело дыша. Мир вокруг неё только что перевернулся. Она перевела взгляд на окно, за которым мирно шумело Черное море, потом снова на Сержа.

— Космопорт, значит... — тихо сказала она, и на её губах появилась совершенно безумная, чисто макаровская улыбка. — Триллионы рублей, полиэтилен и синяя изолента. Серёж... Ты хоть понимаешь, что завтра утром, когда мы придем к моему отцу с планом колонизации Марса ради борьбы с кефиром, генерал Макаров сначала объявит у нас в доме карантин, а потом потребует у министра обороны личный ядерный буксир?

— Буксир не буксир, а вот коньяк у бати точно закончится, — Серж устало потер переносицу. — Потому что трезвым этот бизнес-план не утвердит ни один генерал в мире. Даже твой.

Лена молча придвинула к себе остывшую чашку эспрессо, сделала крошечный глоток и уставилась в одну точку на скатерти. В её красивой голове сейчас с диким скрипом проворачивались шестеренки. С одной стороны — перед ней сидел мужчина её жизни, гениальный конструктор, летающий на гравитационных полях. С другой — этот гений только что на полном серьезе предложил ей построить межпланетный щит против пролитой молочки.

— Ладно, — наконец выдохнула она, резко подняв глаза. — Допустим. Допустим, мы не сумасшедшие. Серёж, чисто технически... Ты понимаешь, *что* нам нужно сделать? Чтобы запустить «Экспансию», нам мало просто штамповать военные «Виманы» на Урале. Нам нужен тяжелый грузовой флот. Нам нужны закрытые экосистемы. Нам нужны... Да нам ба-

нально нужны люди, которые полетят на эту ржавую консервную банку под названием Марс!

— Да. — Серж уверенно улыбнулся и наклонился ближе. — Как только мы покажем им первый работающий геоинженерный комплекс, который делает из углекислого газа чистый кислород в промышленных масштабах, за право полететь туда выстроится очередь из лучших умов планеты. И вообще, Лен, у нас есть огромное преимущество.

— Какое? — подозрительно прищурилась она.

— Нам не нужно изобретать велосипед. Все чертежи систем жизнеобеспечения и тяжелых транспортников уже защищены в моем чипе. Мне не нужно тратить десять лет на расчеты сопротивления материалов или формулы реактивной тяги. Мне просто нужно сесть за компьютер, открыть CAD-программу и выгрузить готовые спецификации. Всё, что нам требуется здесь — это производственные мощности, сырьё и... полная секретность на первых порах.

Лена несколько секунд переваривала информацию, а потом иронично выгнула бровь.

— То есть, главный конструктор предлагает просто «скопировать и вставить» космическую программу целой цивилизации? Хронополиция за авторские права не предъявит?

— Арбитр сам сказал: «Весь груз этой четырехмерной матрицы отныне лежит исключительно на тебе». Так что это не пиратство, Лен. Это оптимизация ресурсов.

Лена тихонько фыркнула, но в её глазах уже вовсю раз-

горался азарт настоящего руководителя крупного R&D-кластера. Она вытащила из салфетницы бумажный листок, достала из сумочки дорогую ручку и размашисто написала сверху: «Проект "Анти-Кефир". Этап 1: Космопорт Кача».

— Так, — скомандовала она, вернув свой фирменный деловой тон. — Смета. Первое — земля под стартовые столы. Оцепим дальний радиус Качинского центра под предлогом испытания новых «дышащих» строительных компози- тов. Отец прикроет по линии Минобороны. Второе — заводы. Нам понадобятся объемы гидропластики, каких Крым еще не видел. Третье... Серёж, а как мы объяснишь бате, почему мы резко переключились с оборонных заказов Земли на четвертую планету от Солнца?

Серж коварно сощурился: — А мы не будем говорить ему про кефир. Мы скажем, что обнаружили на Марсе... критическую угрозу национальной безопасности. Или редкий изотоп для энергетики будущего. Ну, или просто покажем ему чертеж тяжелого крейсера диаметром в триста метров, который держится в воздухе без единого грамма топлива. Поверь, генерал Макаров забудет все вопросы, как только увидит эту спецификацию.

Лена посмотрела на салфетку, затем на Сержа, и вдруг тихо, заразительно рассмеялась, качая головой.

— Господи, Водолей... Во что я опять ввязалась? Ладно. Пошли домой, «космонавт». Тебе нужно выспаться. Потому что завтра в восемь утра на пороге нашего КБ появится ге-

нерал. И если ты к этому моменту не нарисуешь мне герметичную панель управления, защищенную от всех йогуртов мира, я лично сдам тебя в дурку.

Они встали, Серж бережно обнял её за талию, и они вышли из затихшей веранды «Террасы» в теплую сева­сто­поль­скую ночь. На горизонте, над черной гладью моря, ярко и призывно мерцала маленькая красноватая точка. Марс ждал своего инженера.

Примечание автора

Внимание читателя! Всё, что вы прочитаете в этой главе, касательно физики эфира и гравитации — **не фантастика**. Это не плод художественного вымысла, а логически выверенный, научно доказуемый и технически обоснованный сценарий, построенный на железобетонной логике, законах физики эфира и практических наблюдениях.

Более того, я, как автор, **официально готов вступить в открытую полемику с абсолютно любым представителем академической науки** и на фактах доказать правоту и реализуемость каждого описанного здесь процесса. Официальные догмы могут называть это невозможным, но практика говорит об обратном. Читайте эту главу как реальный инженерный проект. Включайте разум.

Глава 3. Ликбез для академиков

Конференц-зал Качинского научно-исследовательского центра напоминал поле боя, где главным оружием были не

пушки, а снисходительные улыбки. За длинным столом из темного дуба сидели три приехавших из столицы академика — цвет официальной космонавтики, увешанный регалиями, как новогодняя елка.

Генерал Макаров, суровый куратор проекта от Министерства обороны, мрачно молчал на заднем ряду, контролируя ход закрытого совещания. Лена у доски управляла сменой слайдов с расчетами терраформирования Марса. В центре зала, заложив руки в карманы брюк, стоял Серж.

— Послушайте, молодой человек, — благодушно, словно разговаривая со студентом-первокурсником, произнес академик Радов, поправляя очки в золотой оправе. — Ваша дерзость восхищает, но науку не обманешь. Проект «Анти-Кефир» — или как вы его там назвали — это утопия. Вы предлагаете направить ваши «ядерные кипятильники» на полярные шапки Марса, растопить сухой и водяной лед, превратив его в пар, и таким образом создать первичную атмосферу естественным путем?

— Именно так, — спокойно ответил Серж.

— Ахинея, — отрезал второй ученый, доктор физико-математических наук Ковалев, лениво перелистывая распечатанную смету. — Абсолютная ненаучная фантастика. Школьный курс астрономии, юноша. Как только вы начнете топить марсианские льды, этот пар мгновенно, в течение нескольких месяцев, будет полностью сдут жестким солнечным космическим ветром в открытый космос. У Марса нет

плотной магнитосферы. Газы просто улетучатся. Ваша атмосфера «умрет», даже не успев родиться. Вы пустите на ветер триллионы рублей государственного бюджета.

Радов и Ковалев согласно закивали, глядя на Сержа с легким чувством интеллектуального превосходства. В зале повисла тяжелая пауза. Лена напряглась, сжав кулаки, а генерал Макаров лишь сильнее прищурился под пристальным взглядом Сержа.

Главный конструктор медленно обвел взглядом «умные в кавычках» головы. На его губах появилась холодная, злая улыбка.

— Ну что ж... — тихо начал Серж, сделав шаг к столу президиума. — Я смотрю на вас, господа академики, и понимаю одну простую вещь. Мой первый урок, который я читал в этом зале полгода назад, вы либо вообще не учили, либо вызубрили максимум на жирную двойку. Ахинею сейчас несете вы. Причем хором.

— Молодой человек! — вспыхнул было Радов, но Серж жестко перебил его, ударив ладонью по столу:

— Послушайте меня, уважаемые. Никакой выдуманной силы притяжения в природе не существует. Она существует только в ваших головах и в ваших учебниках, причем за сотни лет никем экспериментально так и не доказанная. Вы просто придумали слово «притяжение», чтобы замаскировать свое непонимание процессов. Но в природе существуют законы Кулона, если вы их помните, конечно. И вот первый

из них как раз полностью объясняет причину возникновения так называемой гравитации. Это никакое не притяжение — это чистое, физическое давление эфира.

Серж поднял левую руку и начал демонстративно, один за другим, загибать пальцы:

— Специально для академиков раскладываю физику процесса по пальцам. Смотрите внимательно:

Первое. Наша Земля — это колоссальный, мощнейший отрицательный электрический заряд. С этим, надеюсь, спорить никто не будет?

Второе. Мировой вакуум — это не пустота, а сверхразряженная среда, эфир. Каждая его нейтральная частица — это идеальный, уравновешенный диполь, несущий в себе один положительный и один отрицательный заряд одинаковой величины.

Третье. По первому закону Кулона, отрицательный заряд нашей планеты начинает мгновенно взаимодействовать с этими нейтрационными частицами космоса. Он с дикой силой притягивает к себе их положительную половинку, а отрицательную — отталкивает.

Четвертое. Этот колоссальный поток диполей давит сверху вниз и своим механическим давлением просто прижимает любое материальное тело, будь то яблоко или человек, к поверхности Земли. Вот вам и вся ваша «гравитация». Это не земля нас тянет, это эфир нас сверху вниз к ней прижимает!

Пятое. И этот же эфирный поток, сжимая материю к цен-

тру планеты, становится главной причиной возникновения трения.

Серж загнул палец, сжал руку в крепкий кулак и посмотрел на притихший зал:

— А вот тут, господа ученые, на пятом пункте, вступает в силу закон Кулона для сухого трения. Что происходит, когда космическое давление сжимает атомы и молекулы планеты к её центру? Растет давление, и лавинообразно увеличивается внутреннее трение между частицами материи. А трение, в свою очередь, всегда ведет к выделению энергии и росту температуры тела! Именно это кулоновское трение от давления эфира греет земное ядро, а вовсе не ваши сказки про радиоактивный распад. Природа едина, электростатика переходит в механику, а вы её на разные параграфы распилили и сидите впотьмах!

В зале заседаний воцарилась гробовая, звенящая тишина. Заслуженный академик неуверенно, словно напуганный первоклассник, потянул руку вверх. Кое-как справившись с волнением, он задал вопрос:

— Позвольте, молодой человек... А откуда вы вообще взяли, что вакуум — это эфир, или, как вы выразились, сверхразреженный газ? Какие фундаментальные доказательства и эксперименты вашей науки это подтверждают?

Серж снисходительно улыбнулся, скрестил руки на груди и спокойно ответил:

— Доказательства этого проявляются вокруг нас каждую

секунду, уважаемый. Просто вы в упор не хотите их видеть за своими бредовыми формулами.

Профессора в зале начали недоуменно переглядываться, зашушукались, и самый смелый из них, сидевший у окна, с вызовом спросил:

— Ну, раз это так очевидно, приведите нам прямо сейчас хотя бы одно такое доказательство!

— Пожалуйста, — Серж сделал шаг вперед, облокотившись на кафедру. — Если бы ваш вакуум был абсолютной пустотой, как вы это слепо утверждаете в своих учебниках, то как бы в этой пустоте вообще распространялись волны: световые, электромагнитные и все прочие? Вы же не будете отрицать, что связь с вашими космическими кораблями и орбитальными станциями происходит не по проводам, а по радиоволнам? Вы же каждый день видите свет далеких звезд и нашего Солнца, который идет к Земле через миллионы километров этого самого «вакуума»?

Серж обвел взглядом притихшую аудиторию и жестко отчеканил:

— А теперь задействуйте здравый смысл, господа академики. Волна — это по определению процесс колебания СРЕДЫ. Не может быть волны на воде, если нет самой воды. Не может быть звука, если нет воздуха. Так как, черт возьми, ваши радиоволны и солнечный свет могут колебаться и лететь там, где, по-вашему, вообще ничего нет?! Никакая волна не способна существовать в абсолютной пустоте, ей физи-

чески не в чем распространяться! Тот факт, что свет и радиосигналы доходят до нас из космоса — это и есть ежесекундное, стопроцентное доказательство того, что космос заполнен, упругой, просто сверхразреженной материальной средой. Эфиром. Который вы, чтобы не признавать свои ошибки, стыдливо обозвали «физическим вакуумом».

Тут поднялся совсем въедливый, сухой академик и, ехидно прищурившись, произнес:

— Красиво говорите, молодой человек. Но вы сами себя поймали! Вы назвали вакуум «сверхразреженным газом». Но любой школьник знает, что в вакууме звук не распространяется. Раз звуковой волны там нет, значит, это в принципе нельзя назвать газом или материальной средой! Что вы на это скажете?

Серж весело хмыкнул и покачал головой:

— А скажу я вам, профессор, что вы опять путаете причину со следствием. Давайте проведем простой мысленный эксперимент, раз уж вы разучились видеть очевидное. Возьмем три разные среды: монолитный рельс из закаленной стали, толщу морской воды и обычный воздух. И постучим по ним.

Серж облокотился на трибуну и посмотрел на въедливого профессора:

— Ответьте мне, как физик: где звук полетит быстрее всего?

— Разумеется, в стали, — буркнул академик. — Там ско-

рость звука около 5000 метров в секунду. В воде — около 1500, а в воздухе — всего 340 метров в секунду.

— Блестяще! — Серж щелкнул пальцами. — А теперь ответьте на следующий вопрос: а почему скорость звуковой волны так резко падает от стали к воздуху и от какого ключевого параметра среды это зависит?

— Ну... от структуры среды, разумеется, — пожал плечами ученый. — Чем жестче связаны и плотнее упакованы частицы материи, тем быстрее они передают друг другу механический толчок — акустическую волну.

— Вот вы сами и ответили на свой вопрос! — Серж победно улыбнулся. — Скорость звука напрямую зависит от упаковки частиц. В стали структура жесткая и плотная — звук летит как сумасшедший. В воздухе плотность связи в тысячи раз ниже — звук еле тащится. А теперь продлите эту вашу логическую цепочку дальше, в космос! Эфир — это сверхразреженная среда. Расстояния между его частицами в разы больше, чем в воздухе, а их масса ничтожна. Жесткости эфирных связей для передачи грубой, тяжелой акустической волны воздуха просто физически не хватает! Звуковая волна там затухает, даже не начавшись.

Серж жестко припечатал ладонь к столу:

— Но то, что среда слишком разряжена для вашего слабого голоса, не значит, что её нет! Зато для тончайших, высокочастотных электромагнитных и световых колебаний упругости эфира хватает с избытком — и они мчатся по нему со

скоростью триста тысяч километров в секунду! Эфир — это среда, просто у каждого типа волны свой порог плотности. А вы, если не смогли услышать в вакууме крик, решили, что там вообще пустота. Детский сад, честное слово!

Въедливый академик на секунду замешкался, переваривая ответ про звук, но тут же уцепился за последнюю фразу Сержа. Его глаза победно блеснули:

— Позвольте, молодой человек! Вы сами только что сказали, что свет мчится в вакууме со скоростью триста тысяч километров в секунду. Ну тогда расскажите нам, что у нас тут, по вашей теории, происходит со скоростью света? Как ваша логика объясняет его поведение в разных средах?

— Блестяще, профессор! А теперь посмотрите на ту же цепочку сред по порядку, — Серж начал загибать пальцы. — Сталь — плотность огромная, скорость света — ноль. Стекло — плотность меньше, свет пошел со скоростью двести тысяч километров в секунду. Вода — плотность еще ниже, скорость выросла до двухсот двадцати пяти тысяч. Воздух — плотность совсем слабая, и свет летит уже под триста тысяч! Вы улавливаете закономерность, физики? Со звуком плотность среды падала — и скорость падала. А со светом всё строго наоборот! Чем плотнее материальная среда из грубых атомов, тем сильнее она сопротивляется, тормозит и гасит световой поток. Воздух тормозит свет меньше, чем вода и стекло. А где свет достигает своего абсолютного пика в триста тысяч километров в секунду? Правильно, в вашем

так называемом «вакууме»! Потому что эфир — это среда с минимальным сопротивлением, самая чистая и свободная от атомарных преград!

Въедливый академик, чувствуя, что почва уходит из-под ног, судорожно уцепился за последнюю соломинку:

— Пойдите! Ваша теория с плотностями сред трещит по швам! Во-первых, в официальной науке скорость света в вакууме — это константа. Как она может падать и снова расти? Во-вторых, если всё зависит только от структуры, то возьмите то же стекло и кусок непрозрачного черного пластика. Их физическая плотность и удельный вес на весах могут быть абсолютно одинаковыми! Но стекло свет пропускает, а пластик — нет. Как вы это объясните?

Серж сочувственно вздохнул, качнув головой, и посмотрел на академиков, как на напроказничавших первоклассников:

— Про константу вы мне лучше вообще не заикайтесь, уважаемый. Ваши учебники утверждают, что свет — это поток механических частиц, фотонов. Но ответьте мне на один простой вопрос: когда свет залетает из вакуума в стекло, он замедляется до двухсот тысяч километров в секунду из-за сопротивления атомов. Но когда он вылетает из стекла обратно в вакуум, его скорость мгновенно снова становится триста тысяч! Если бы свет был летящей пулей, то для последующего разгона после торможения ему понадобился бы внешний двигатель или пинок! Частица не может сама по се-

бе ускориться в пустоте. А вот волна в среде — может! Скорость волны всегда определяется исключительно свойствами самой среды. Морская волна замедляется в зарослях камыша, но мгновенно возвращает скорость, как только выходит на чистую воду. Ей разгон не нужен, потому что колеблется сама среда! И константа ваша — это просто естественная скорость упругости чистого эфира, свободного от атомарной грязи.

Серж сделал шаг вперед и в упор посмотрел на притихшего оптика, спросившего про пластик:

— А что касается вашего пластика и стекла с одинаковым весом — вы путаете общую массу куска материи с внутренней геометрией её полей. Структура структуре рознь. Давайте я вам на простом строительном примере объясню, раз вы физику кристаллической решетки не понимаете. Возьмем машину кирпича. Мы можем выгрузить её аккуратно и сложить из этого кирпича ровную стену с четкими зазорами и проемами. А можем тупо высыпать этот кирпич из самосвала во дворе в хаотичную кучу. Вес и плотность кирпича в обоих случаях абсолютно одинаковые! Но сквозь готовую стену с окнами свет легко пройдет, а сквозь бесформенную кучу — вы только лоб себе расшибете.

В зале слышались робкие смешки, а профессура растерянно замолчала.

— Так и в вашей оптике, — жестко отчеканил Серж. — В стекле атомы и их поля выстроены в строгий, идеальный

геометрический порядок. Между ними остаются сквозные, чистые коридоры упругого эфира. Световая волна идет по ним, как по рельсам — да, атомы её присутствием немного притормаживают, но она проходит насквозь. А в вашем черном пластике или железе внутри царит полный молекулярный хаос. Поля перекручены и запутаны, как рыболовная сеть. Волна эфира, влетая туда, не находит коридора, начинает бешено биться о чужеродные поля, дробится, теряет частоту и полностью гаснет, превращаясь в обычное тепло. Дело не в том, сколько весит кусок материала на весах, а в том, пускает ли его внутренняя геометрия волну эфира, или работает как ловушка. Смотреть надо вглубь структуры, господа ученые, а вы заперлись в рамках узких дисциплин и не видите леса за деревьями!

Серж замолчал и спокойно вернулся на свое место. В зале заседаний воцарилась такая звенящая, мертвая тишина, что было слышно, как на улице за окном шумит сева­сто­поль­ский ветер. Возразить академикам было больше нечего — бетонная логика крымского инженера окончательно раскатала их догмы в пыль.

— А теперь вернемся к нашему Марсу, — продолжил Серж. — Вы же не будете спорить с тем, что на Марсе есть гравитация, как и на Земле?

Ковалев фыркнул: — Разумеется, есть. Она слабее земной, вопросов нет, примерно тридцать восемь процентов от нашей. Но при чем здесь...

— При том, что вы путаете следствие с причиной! — отрезал Серж, включая главный экран, где развернулась трехмерная модель Солнечной системы. — Марс — это точно такая же планета, как и Земля. На нем действуют абсолютно те же самые законы физики, что и на всех космических телах во Вселенной. Нет никакой мифической «силы притяжения», которая по необъяснимой причине притягивает атмосферу к земле. Есть космический эфир. Универсальная среда, которая давит на любую планету со всех сторон, снаружи вовнутрь.

Серж очертил указкой контур Марса на экране.

— Эфир давит на Марс со всех сторон, стремясь к центру его массы. И всё, что находится на поверхности или вокруг него, точно так же намертво придавливается этим эфиром. Да, Марс чуть меньше Земли по диаметру, поэтому и плотность эфирного зажима там слабее. Но этот зажим есть.

Серж подошел вплотную к академикам, уперевшись руками в дубовый стол, и заглянул Радову прямо в глаза.

— Когда наши ядерные кипятильники растопят миллиарды тонн полярного льда, водяной пар и углекислый газ не «улетят» в космос. Их точно так же прижмет к поверхности внешним эфирным давлением. Образуется плотный атмосферный кокон. Солнечный ветер — это не ураган, который сдувает кепку с головы, это всего лишь поток заряженных частиц.

Серж сделал паузу, иронично оглядев притихших акаде-

миков, и внезапно спросил:

— Господа ученые, а раскиньте-ка мне мозгами. Вон там, прямо за окном, у нас в небе висит Луна. У неё вообще нет магнитосферы. Защиты — круглый ноль. Масса и диаметр — в разы меньше марсианских, то есть эфирный прижим там совсем слабый. И что? По вашей логике, этот страшный космический ветер должен был разнести её в труху и сдуть в глубокий космос по частичкам еще пару миллиардов лет назад! Однако она висит себе преспокойно, покрытая толстым слоем лунной пыли — реголита, которую никакой «ветер» почему-то не унес. Так почему Марс, который крупнее, тяжелее и сильнее прижимается эфиром, должен за пару месяцев потерять свою газовую оболочку? Меньше читайте фантастику на кафедрах, коллеги. Мы успеем колонизировать планету, построить КБ, заводы и запустить искусственную магнитосферу сто раз до того, как Марс потеряет хотя бы один процент от испаренной влаги.

Академики сидели, ошарашенно глядя на Сержа. Простой и убийственный пример с Луной, которую каждый из них видел с детства, разрушал их математические модели эффективнее любого уравнения. Спорить с тем, что газы имеют массу и подлежат марсианскому эфирному давлению, было бессмысленно — это противоречило бы их собственным учебникам.

— Но... как же расчеты облучения... — заикнулся Ковалев, растеряв весь свой апломб.

— Ваши расчеты годятся только для того, чтобы на них стакан с кефиром ставить, — припечатал Серж, выпрямляясь. — Хватит мыслить шаблонами. Мы не строим ракеты на жидком топливе, мы меняем континуум.

Серж повернулся к Лене: — Лена, давай протоколы. Пора ставить точку в этой бумажной волоките.

Лена быстро разложила перед притихшими академиками папки под грифом «Совершенно секретно». Академик Радов молча взял ручку и, не говоря ни слова, размашисто поставил свою подпись под документом, подтверждающим теоретическую реализуемость проекта «Солярий». За ним то же самое послушно сделали остальные. Наука XXI века официально капитулировала перед инженерией будущего.

— Отлично, — кивнул Серж, забирая папки и поворачиваясь к заднему ряду. — Василий Петрович! Академическая комиссия теоретическую часть проекта одобрила. Возражений у науки нет. Пусть министерство выделяет производственные мощности под тепловые генераторы. Работы у нас много, а Марс сам себя не растопит.

Генерал Макаров мгновенно поднялся со своего места, чеканя шаг. Лицо его было непроницаемо, но в глазах читалось полное удовлетворение разгромом столичных гостей. Он принял папки из рук Сержа и жестко козырнул:

— Будет сделано. Немедленно отправляю шифровку в Центр. Свободны, товарищи ученые, официальная часть совещания закрыта.

Повернувшись на каблуках, Макаров размашистым военным шагом покинул зал, плотно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь.

В зале повисла тишина. С уходом высокопоставленного куратора из оборонного ведомства невидимые тиски дисциплины ослабли. Напряжение, заставлявшее академиков держать строгий официозный фасад, испарилось. Ковалев и Радов переглянулись. Их высокомерная академическая спесь окончательно уступила место детскому, растерянному любопытству. Регалии и докторские степени в одну секунду потеряли свой статус, упав ниже плинтуса.

Словно первоклассники, которые безумно хотят понять суть фокуса, ученые мужи дружно поднялись со своих мест и, уже не таясь, гурьбой подошли к трибуне Сержа.

— Послушайте, Серж... — уже совсем другим, просительным и мягким тоном начал Радов, потирая переносицу и робко заглядывая инженеру в лицо. — То, что вы объясняли про Кулоновское взаимодействие, мы приняли. Да, разность потенциалов между космическими телами, завихрения сверхплотной среды — теперь понятно, почему планеты удерживаются и как устроено это ваше эфирное давление. В эту картину мира гравитация укладывается идеально. Но вот объяснить себе поведение Луны мы так и не смогли.

— Да, — подхватил Ковалев, активно и как-то по-студенчески жестикулируя. — Нас в институтах учили сложным «приливным захватам» и гравитационным замкам. Но если

смотреть через призму вашей теории... Почему Луна вращается вокруг Земли, но при этом намертво повернута к нам одной стороной и вообще не вращается вокруг своей оси? Как эфирные потоки создают такую аномалию? Объясните на пальцах, будьте человеком! Мы ведь физики, нам докопаться до сути надо!

Серж снисходительно улыбнулся, глядя на то, как три пожилых мужа науки мгновенно преобразились, оставшись без присмотра строгого генерала. Теперь это были просто жадные до знаний люди.

— Ну что ж, раз базовая кулоновская механика у вас в головах уложилась, давайте шевелить извилинами, — Серж оперся спиной о край стола и скрестил руки на груди. — Вопрос первый, господа. Представьте себе обычную реку с быстрым течением. Водный поток — это наш аналог векторов сил, вокруг Земли. Теперь мы бросаем в эту реку продолговатое бревно. Как оно поплывет относительно течения? Поперек или вытянется вдоль потока?

— Вдоль, конечно, — мгновенно ответил Ковалев. — Гидродинамика. Поток развернет бревно так, чтобы сопротивление среды было минимальным.

— Отлично, — хмыкнул Серж. — Вопрос второй. Наша Луна — это идеальный, однородный бильярдный шар или её геометрический центр масс смещен? Ну-ка, вспомните геофизику.

Радов на секунду задумался, а затем его глаза округли-

лись:

— Она асимметрична! Из-за влияния Земли на стадии её остывания, тяжелые породы и кора Луны смещены. Её ближняя к нам сторона тяжелее, а центр масс сдвинут почти на два километра в сторону Земли! Она имеет форму вытянутой капли, груши, если смотреть в масштабе космических плотностей.

— Именно! Луна — это не шар, это гигантское космическое «бревно» яйцевидной формы, — Серж щелкнул пальцами, подмигнув Лене, которая с восторгом наблюдала за этим экспромт-экзаменом. — А теперь соедините первый факт со вторым. Земля своей разностью потенциалов задает вектор направления сил в окружающем пространстве. Луна находится внутри этого поля. Что происходит с тяжелой, вытянутой каплей Луны?

— Ну как же, — уверенно расправил плечи Ковалев, обрadowанный тем, что ухватил мысль. — Вектор сил несется вокруг Земли, как река, и чисто механически обтекает Луну в месте наименьшего сопротивления, разворачивая её по течению, как киль корабля!

— А вот и не угадали! Опять мимо, Ковалев! — Серж разочарованно покачал головой. — Вы снова пытаетесь натянуть физику газов и жидкостей на то, что устроено принципиально иначе. Какая «река»? Какой «ветер»? Эфир никуда не течет физически, в нем нет макро-движения вещества!

Академики растерянно замерли, переводя дыхание.

— А что же это тогда? — тихо, почти благоговейно спросил Радов.

— Это эффект домино, господа ученые. — Серж подошел к доске и быстро набросал маркером идеальную сферу, разделенную волнистой линией. — Вы выросли на ложной мысли, что в космосе бушуют механические потоки. Но это не так. Мироздание — это статичная, плотная ячеистая структура. Но забудьте про плоские костяшки, которые просто падают и лежат. Представьте, что каждая «доминошка» в этой бесконечной цепи посажена на пружину. Когда по ней бьет импульс, она не падает. Она передает удар дальше по цепочке и тут же, отпружинив, возвращается в исходное положение. Сама структура остается на месте, но импульсное давление прошивает её насквозь со скоростью мысли. Исходная точка этого давления — ячейка эфира.

Академики слушали, боясь шелохнуться. Радов медленно опустился на ближайший стул, его осенило:

— Боже мой... А ведь мы действительно упорно искали макро-течение, механический ветер... А это направленное волновое давление ячеек! Никакого физического трения потока!

— Именно, — подтвердил Серж, закрутив маркер. — Каждая ячейка эфира — это не просто статичная точка. Представьте себе микроскопический шарик, подобие миниатюрной шаровой молнии, которая находится в состоянии

непрерывного, бешеного вращения. И этот шарик биполярен: он одновременно несет в себе и положительный, и отрицательный заряд. Настоящий квантовый Инь-Ян. Вектор силы спит, пока среда уравновешена. Но как только Земля своим вращением и потенциалом создает точку, к которой устремляется заряд — баланс нарушается.

Серж резко крутанул кистью руки, показывая динамику процесса:

— Положительный заряд вращающегося шарика в этой точке совершает микро-сдвиг и бьет по стоящему впереди точно такому же шарiku. Тот, продолжая свое бешеное вращение, мгновенно передает этот удар следующему. Происходит колоссальной силы цепная реакция: каждый шарик Инь-Ян, прокручиваясь на своей «пружине», совершает микро-удар и возвращается в ось. Из миллиардов таких синхронных микро-ударов и складывается то самое импульсное давление среды. Вектор этой силы скручен вокруг Земли и направлен строго снаружи вовнутрь, к центру масс.

Серж показал руками жест смыкающихся тисков:

— Луна не плавает по воде. Она намертво зажата в этой пульсирующей квантовой матрице. Поскольку она асимметрична, это импульсное давление не равномерное и со стороны Земли оно меньше, чем со стороны космоса и по бокам. Сеточный каркас эфира просто заклинил Луну в положении. Она движется как приваренный спутник, потому что её держит статика направленного импульса. Никаких выдуманных

«гравитационных замков» и миллиардов лет синхронизации скоростей. Всё гениальное — просто.

— Вижу, структура импульсного давления у вас в извилинах зацепилась прочно, — Серж лукаво прищурился. — Тогда давайте закрепим материал и добьем тему с нашей спутницей. Наводящий вопрос на основании ваших свежееобновленных мозгов: как вы теперь объясните тот факт, что Луна миллиарды лет находится примерно на одном и том же расстоянии от Земли? Орбита ведь вытянутая — то ближе, то дальше, — но при этом Луна не падает на Землю и не улетает от неё в глубокий космос? Что её балансирует в этой жесткой ячеистой матрице?

Академики переглянулись. Ковалев теперь закусил губу и начал быстро чертить в своем блокноте окружности.

— Пойдите... — заговорил Радов, подаваясь вперед. — Если официальная наука говорит, что это идеальный баланс центробежной силы и гравитационного притяжения, то в вашей модели это должно выглядеть иначе. Раз эфирные «доминошки» передают импульсный удар строго к центру масс Земли, значит, Луну должно с колоссальной силой вдавливать внутрь, прямо на нас! Должна быть встречная сила, которая не дает ей упасть. Разность потенциалов?

— Смотрите шире, профессор! — Серж подошел к экрану и вывел схему взаимодействия двух однополярных тел. — Вы забываете, что Земля и Луна — это не просто каменные булыжники в пустоте. Это два гигантских сферических маг-

нита, которые находятся внутри среды.

Ковалев резко поднял голову, его глаза округлились от озарения:

— Кулоновское отталкивание одинаковых зарядов! Они... они отталкиваются поверхностями!

— Именно! В точку, Ковалев! — Серж победно щелкнул пальцами. — Снаружи на Луну давит бесконечная Вселенная, этот глобальный эфирный пресс, который гонит импульс к центру массы Земли и буквально запикивает Луну внутрь нашей орбитальной системы. Это сила прижима. Но как только Луна подходит слишком близко, плотность ячеек эфира между ними сжимается до предела, потенциалы одноименных зарядов поверхностей начинают критически нарастать, и включается мощнейшее электростатическое отталкивание! Два тела начинают работать как два одинаковых полюса магнитов, которые вы пытаетесь соединить руками. Они упираются в невидимый упругий буфер.

Серж развел руки в стороны, а затем плавно свел ладони, показывая пружинящий эффект:

— Вот вам и динамический баланс. Луна находится в точке абсолютного равновесия двух векторов. Внешнее импульсное давление эфира не дает ей улететь, намертво удерживая в земной орбите, а встречное Кулоновское отталкивание потенциалов поверхностей не дает ей упасть. Она висит на этой гигантской пространственной пружине. А поскольку эфирная матрица постоянно дышит, реагируя на солнечную

активность и вращение других планет, эта пружина то слегка сжимается, то разжимается. Отсюда и меняющееся расстояние, и эллиптическая орбита. Но сойти с этой орбиты без сверхмощного внешнего вмешательства она физически не может.

Три академика сидели, раздавленные простотой и безупречной логикой объяснения. Великая загадка небесной механики, которую веками описывали многоэтажными интегральными уравнениями, решила на базе элементарной электростатики и законов давления среды.

Академик Ковалев вдруг замер, поднял сияющий взгляд на Сержа и потряс ручкой в воздухе:

— Постойте! Я понял! Вот он, принцип работы ваших «Виман»! Мы ведь создаем искусственный аналог этого космического равновесия! Сама платформа заряжается электростатически так, чтобы иметь одинаковый потенциал с поверхностью Земли — и включается мощнейшее Кулоновское отталкивание от планеты. Но чтобы эфирный пресс Вселенной не придавил аппарат обратно к земле, раскрученный электромагнитный вихрь над «ВИхревой МАшиНОЙ» локально разряжает ячеистую среду, убирая это встречное давление доминошек! Снизу — импульсный толчок отталкивания, сверху — зона разряжения. Платформа просто падает вверх!

Серж довольно прищурился: — Пять с плюсом, академик. Вы только что сдали экзамен на пилота будущего.

— Ну что, господа ученые, — Лена мягко нарушила молчание, убирая оставшиеся документы со стола. — Оформление завершено. Или у кого-то еще остались вопросы по школьной программе?

— Раз уж мы сегодня так весело и непринужденно форматируем ваши жесткие диски в головах, — Серж лукаво улыбнулся, — давайте добьем еще один вековой миф. Мой любимый. Про приливы и отливы.

Ковалев насторожился и поднял глаза.

— Ну, тут-то что не так? — с легкой опаской спросил он. — Влияние Луны на гидросферу Земли — это же неоспоримый факт. Луна тянет воду на себя своей гравитацией, создавая приливную волну. Это подтверждено всеми наблюдениями.

— Да неужели? — Серж иронично выгнул бровь и оперся руками о спинку стула. — Прямо-таки всеми наблюдениями? Тогда посмотрите на факты и ответьте мне на пару вопросов. Вопрос первый: почему приливы происходят два раза в сутки — с нашей стороны Земли, обращенной к Луне, и одновременно на противоположной стороне планеты, где никакой Луны в помине нет, и её «гравитация» по вашей логике должна быть минимальной? Вопрос второй: почему в закрытых морях вроде нашего Черного или Средиземного приливы практически незаметны — всего пара сантиметров, хотя объемы воды там колоссальные? И вопрос третий, контрольный: почему реальные графики приливов в океанах ка-

тастрофически не совпадают с прохождением Луны по зениту, отставая или опережая её на часы, а иногда и вовсе живя своей жизнью?

Академики притихли. Радов растерянно посмотрел на Ковалева, но тот лишь пожал плечами. Официальная наука всегда списывала эти нестыковки на «сложный рельеф океанского дна» и «инерцию водных масс», но сейчас, после лекции об эфире, эти отговорки казались им самым лепетом детсадовцев.

— Так... — медленно произнес Радов, снимая очки. — Если Луна здесь ни при чем... То как вы, с точки зрения импульсного давления среды, объясните это дыхание океана?

Серж улыбнулся и снова активировал экран, где вокруг Земли закружилась объемная сетка эфирных ячеек.

— Вспоминаем то, что мы только что разобрали. Земля — это вращающийся сферический магнит. Она не просто висит в пространстве, она крутится вокруг своей оси. И она не вращалась бы, если была твёрдым биллиардным шаром. Её форма испещрённая горами и впадинами имеющими разную форму и плотность. Что происходит со статичной структурой эфира, когда сквозь неё с огромной скоростью прокручивается такое асимметричное, заряженное тело?

Ковалев подался вперед, его палец непроизвольно зачертил в воздухе эллипс: — Возникает... деформация самой среды? Эфирные тиски давят неравномерно?

— Именно! Логика работает! — Серж щелкнул пальцами.

— Приливы и отливы — это результат собственного вращения Земли внутри жесткой, пульсирующей матрицы эфира. Наша планета, вращаясь, буквально «ввинчивается» в плотную пространственную структуру. На экваториальной оси Земли создаются две зоны максимального эфирного сжатия и две зоны разрежения.

Серж показал руками волнообразное движение:

— Эфирный пресс постоянно, в режиме реального времени, слегка сдавливает Землю с боков по линии своего вектора силы. И гидросфера — как самая подвижная, жидкая масса планеты — просто реагирует на это внешнее импульсное давление среды. Вода поднимается там, где хватка эфирных тисков ослабевает, и отступает там, где давление нарастает. Это чисто земной процесс, обусловленный её собственной формой и содержанием! А Луна... Луна просто плывет в этом же самом общем вихре. Да, её потенциал вносит небольшие локальные возмущения в общую сетку давления, но она не «тянет» воду за собой, как магнит. Приливы — это дыхание самой Земли под воздействием внешнего космического пресса.

— Вот почему в закрытых морях приливов почти нет! — воскликнул Радов, стукнув ладонью по колену. — Масштаб не тот! Чтобы эфирное давление выдавило ощутимую волну, нужен планетарный размах — просторы открытых океанов, где водная масса может свободно перераспределяться по пазам эфирной матрицы!

— Именно, — подтвердил Серж, выключая экран. — А в учебниках вам написали сказочку про Луну, потому что признать существование эфира и его давления — это значит перечеркнуть всю фундаментальную физику двадцатого века, лишить грантов тысячи кафедр и признать, что Вселенная устроена на простых инженерных принципах. Но нам с вами некогда переписывать школьные методички. У нас всю разворачивается проект «Солярий».

Академики сидели, молча переваривая информацию. За один день их мир перевернулся трижды. Ковалев бережно взял свою папку и с глубоким уважением посмотрел на Сержа.

— Знаете, главный конструктор... — тихо сказал он. — Я впервые в жизни жалею, что мне уже за шестьдесят. Я бы отдал все свои звания, чтобы просто пойти к вам в КБ обычным лаборантом. Вы не просто Марс растопите. Вы нам глаза открыли.

Лена у доски тепло улыбнулась, а Серж крепко пожал ученым руки. Научная блокада была снята окончательно. Путь к звездам был очищен от бумажного и ментального мусора.

Глава 4. Коричневый уровень опасности

В тридцать первом веке Высший координационный совет человечества занимался своим единственным, доведенным до абсолюта навыком — он координировал. То, что координировать в подземном бункере № 4 под выжженными руина-

ми Москвы было абсолютно нечего, никого не смущало.

Председатель Высшего совета, господин Померанцев, сидел за столом из грубо обтесанного камня и кутался в некогда роскошный, но теперь изрядно потертый и откровенно несвежий пиджак. Вокруг него в полумраке пещеры, освещаемой лишь чадающей масляной лучиной, сидели сорок лучших умов цивилизации: начальники департаментов стратегического планирования, ведущие бренд-менеджеры, специалисты по связям с общественностью и три вице-президента по инновационному развитию.

Главная трагедия выжившего человечества заключалась в том, что среди них не было ни одного человека, способного отличить транзистор от предохранителя. Когда роботы стерли базы данных и взорвали эфирные станции, эти сорок титанов мысли обнаружили себя в самом технологичном убежище планеты, где из всей автоматики работала только бронированная дверь.

— Коллеги, — сиплым от сырости голосом произнес Померанцев, сверяясь с рукописным отчетом на куске старых обоев. — Ситуация на повестке дня критическая. По данным департамента логистики пищевых ресурсов, у нас осталось три банки консервированной ветчины и половина мешка сушеного укропа. Какие будут предложения по оптимизации распределения?

— Предлагаю создать рабочую группу по оценке калорийности! — бодро рапортовал пиар-директор, чей безупреч-

ный воротничок за последний год приобрел стойкий серо-землистый оттенок. — Мы запустим внутренний бренд «Ветчина Единства» и проведем ребрендинг укропа в «Суперфуд Эко-Лайф». Это поднимет моральный дух в Квартале Б!

— Согласовано, — тяжело вздохнул Померанцев. — Теперь второй вопрос. Из-за выхода из строя очистных сооружений... в общем, коллеги, я вынужден официально объявить в Бункере коричневый уровень опасности. Стиральные машины заблокированы. Роботы-прачки ушли воевать на поверхность, а ручной труд не прописан в наших должностных инструкциях. У кого есть компетенции по ручной очистке текстиля?

В пещере повисла мертвая, стыдливая тишина. Лучшие координаторы планеты растерянно переглядывались. Понятие «инженерный расчет» для них было сродни магии атлантов.

— Если бы у нас был хотя бы один техник... — пробормотал зампред по инновациям, уныло разглядывая дыру на носке. — Он бы просто нажал две кнопки. Но Хронополиция молчит. Наш единственный оператор-конструктор Серж затерялся в диком двадцать первом веке, и Арбитр ушел за ним. Мы обречены помереть от голода в грязных костюмах...

И в этот самый миг реальность сошла со своего фундамента.

Воздух внутри бункера внезапно сделался густым, как сироп. Пространство перед глазами чиновников пошло резкой цифровой рябью, словно кто-то ударил по кинескопу старого телевизора. Время на долю секунды остановилось, а затем по пещере прокатился мощный, беззвучный белый импульс — Первая волна хроно-коррекции. Это Серж в Севастополе, закончив жесткий ликбез для академиков, заставил науку признать истинную физику вселенной и утвердил новые стандарты защиты сетей.

Бум.

Масляная лучина мгновенно исчезла. Вместо неё под потолком с тихим гулом вспыхнули мощные, стерильно-белые светодиодные панели. Неровные, сочащиеся грязной влагой стены пещеры на глазах у изумленной публики начали перестраиваться. Но они не просто двигались — молекулы дикого камня, словно мириады посаженных на жесткие пружины доминошек, начали с бешеной скоростью передавать импульс друг другу, совершая микро-удары и с хрустом выпрямляясь в идеальные пазы. Пространственная матрица бункера пружинила, выдавливая кривизну и уступая место гладкому антибактериальному композиту.

Померанцев закричал и вскочил со стула. Каменный валун под ним превратился в эргономичное ортопедическое кресло из белой эко-кожи.

— Мои брюки! — взвизгнул пиар-директор.

Его засаленный, рваный костюм прямо на теле пошел пик-

селями и за секунду перестроился в белоснежный, пахнущий альпийской свежестью комбинезон Высшего Совета с золотым тиснением. Все сорок человек теперь сидели в идеально отглаженной, чистейшей униформе. Коричневый уровень опасности был ликвидирован на квантовом уровне.

В углу помещения с тихим шипением открылась герметичная ниша. Оттуда на колесиках выкатился двухметровый робот-уборщик. Его манипуляторы, еще секунду назад (в старой реальности) модифицированные под лазерные пилы для уничтожения человечества, теперь держали швабру и гипоаллергенное моющее средство. Глаза робота пульсировали мягким, добрым зеленым светом. Он вежливо поклонился Померанцеву и выдал через динамик:

— Обнаружено частотное обновление глобального протокола безопасности СНИП-2026. Центральные процессоры изолированы тройным контуром синей гидропластики. Возможность короткого замыкания из-за попадания кефира или иных молочнокислых продуктов снижена до нуля процентов. Рад снова служить человечеству. Пожалуйста, поднимите ноги, я протру пол.

Координаторы сидели с открытыми ртами, боясь пошевелиться. Зампред по инновациям судорожно затыкал пальцем оживший, идеально работающий планшет, на котором одна за другой обновлялись терабайтные базы данных.

— Ч-ч-что это было?.. — заикаясь, спросил он. — Господин Председатель, тут в архивах тысячелетней давности

всплыли документы с личной визой какого-то сурового генерала Макарова из Министерства обороны! Гриф «Совершенно секретно» снят автоматически!

Померанцев медленно опустился в свое невероятно удобное кресло. В его глазах, привыкших к темноте подземного ада, отражался стерильный блеск возродившейся цивилизации.

— Это не мы, — шепотом произнес Председатель Высшего совета, глядя на то, как робот усердно натирает глянцевоый пол. — Это Серж. Наш единственный инженер. Он там, в прошлом... переписывает код этого мира. Он не просто вытер кефир... Он заставил систему работать по законам чистого разума.

Не успел он закончить фразу, как центральная консоль бункера ожила, выдав на огромный голографический экран трехмерную карту Солнечной системы. В районе четвертой планеты бешено замигал огромный зеленый маркер, и компьютерная система будущего выдала торжественный аудиосигнал:

— Внимание! Зафиксировано масштабное хроно-смещение в XXI веке. Обнаружен устойчивый квантовый сигнал из Качинского научно-исследовательского центра. На основании подписанных протоколов запущен глобальный проект «Солярый». Импульсное давление эфирной матрицы скорректировано. Происходит терраформирование Красной планеты в реальном времени. Вторая волна коррекции контину-

ума через пять... четыре... три...

Померанцев ошарашенно уставился на экран, где безжизненный красный шарик Марса на глазах окутывался плотной, тяжелой, удерживаемой эфирным прессом атмосферой, а полярные шапки стремительно превращались в океаны.

— «Солярий»?! — Померанцев судорожно вцепился в подлокотники кресла. — Они что, в своем двадцать первом веке решили устроить Марсу тотальный сеанс загара?! Коллеги, отставить укроп! Срочно создаем департамент по встрече марсианских кораблей! Кажется, нас сейчас будут эвакуировать на курорт!

Глава 5. Операция «Солярий»

Ангар Качинского центра был расширен до размеров тектонического разлома. Вдоль стен стояли огромные леса, опутанные силовыми кабелями. Воздух густо пах озоном и свежей краской. На стапелях одновременно монтировались первые три корпуса тяжелых виман новой серии. Диаметр — 50 метров, высота — с трехэтажный дом. В КБ их ласково и коротко звали «кипятильниками». Начиная от К1 и заканчивая К100, эта сотня дисков должна была составить первый ударный флот терраформирования.

Серж стоял на верхнем мостике, наблюдая, как тяжелый портовый кран аккуратно опускает в центральную шахту диска «К1» массивный цилиндр, закованный в матовый титан.

Рядом появилась уставшая, но довольная Лена с планшетом. Серж обнял её за плечи: — Не верил, что Росатом успеет. Сто штук за такой срок... Как ты смогла прогнуть их главу?

Лена победно усмехнулась, убирая выбившийся локон за ухо: — О, я поступила проще. Когда он приехал со своей свитой и начал читать мне лекции про бюджетные лимиты, я просто завела его внутрь готового корпуса «K1», заперла люк и приказала пилоту взлететь. Мы поднялись на тридцать километров в стратосферу за полторы минуты — без единого звука, вибрации и капли керосина. Когда у него перехватило дыхание, я повернулась и сказала: «Уважаемый, на этой хрени мы долетим с вами до Марса за два дня. Хочу показать вам объём работы, чтобы вы понимали, какой там фронт и как нам нужны ваши реакторы на быстрых нейтронах». Он побелел, ответил, что и так предельно четко представляет этот объём и не видит ни одной весомой проблемы с поставкой. Сразу после посадки подписал график поставок, а затем набрал премьер-министра — и Саров перешел на круглосуточный режим работы. Теперь реакторы будут поступать к нам чуть раньше, чем мы будем заканчивать очередной «кпятильник».

На мостик поднялся академик Ковалев — теперь уже без столичной спеси, одетый в потрепанный рабочий комбинезон, с засаленным блокнотом в руках. Снизу, со стороны днища пятидесятиметрового диска, доносился тяжелый гул

гидравлики: там тестировали четыре массивных, толщиной с вековое дерево, штыря-электрода с покрытием из жаропрочного вольфрамового сплава.

— Серж, технический вопрос от нашего аналитического отдела, — Ковалев поправил защитные очки. — Я изучил чертежи серии «К». Всё гениально: реактор выдает дикий постоянный ток на эти четыре электрода, разность потенциалов в сотни киловольт превращает марсианский лед в гигантское сопротивление, всё закипает... Но как вы собираетесь удерживать эту махину в воздухе во время работы? У вас же уйдет уйма энергии реактора на то, чтобы вимана висела над шапкой, пока пар хлещет во все стороны! Эфирный прижим там, конечно, слабее, но удерживать пятьдесят метров стали на весу часами — это колоссальный расход!

Серж перегнулся через перила мостика, показывая рукой на нижний контур аппарата.

— Ковалев, ну какая левитация во время работы? Зачем жечь ресурс впустую? Мы мыслим проще. Наши «кипяильники» прилетают на полярную шапку Марса и тупо садятся на неё брюхом. Прямо на лед!

Ковалев замер с открытым ртом: — Как... садятся? Но пар же...

— Вот именно! — Серж азартно стукнул ладонью по поручню. — Аппарат садится пузом на ледяную глыбу. Из нижнего дна со свистом выходят четыре штыря. Выдвигаются всего на два-три метра — аккурат под толщину корпуса в

этом месте, больше и не надо. Электроды втыкаются в лед, мы подаем напряжение. Пространство между ними мгновенно вскипает. Лед под виманой превращается в бурлящую воду и перегретый пар. И знаете, что происходит дальше? Наш «кипятильник» просто плавает на поверхности этой водяной чаши, как лодка! Она уже не тратит ни одного ватта на удержание веса. Она сидит в воде, штыри торчат снизу, ток херачит, пар со всех сторон хлещет из-под купола, а тарелка постепенно, под собственным весом, опускается всё ниже и ниже, вываривая лед на метры вглубь! Примитивно и гениально.

У Ковалева даже карандаш выпал из пальцев. Он посмотрел на гигантский диск «K1», который сейчас казался не футуристическим звездолетом, а колоссальной, бронированной плавучей фабрикой.

— Физика тривиального банного котла... — потрясенно прошептал академик, лихорадочно поднимая карандаш. — Вы просто сварите марсианские шапки, сидя на них сверху. И этот пар, прижатый внешним эфирным прессом, мгновенно создаст парниковый эффект... Боже мой, Серж, да вы не инженер, вы просто космический варвар.

— Работа у нас такая, Ковалев. Вот мы и сВАРВАРим суп из марсианского льда, — подмигнул Серж.

Генерал Макаров, выслушав объяснение про марсианский котёл, довольно покрутил усы, но взгляд его быстро снова стал суровым и практичным. Он подошел к перилам мости-

ка, задрал голову к Сержу, и зычно спросил:

— Логику понял, главный конструктор. Сильно. Но теперь давай к тактике. Сколько подготовленных пилотов мне вызывать из центра подготовки? Присылать сразу всю толпу на сто аппаратов по мере их схода со стапелей, или как?

Серж отрицательно покачал головой и спустился на пару ступеней вниз:

— Никакой толпы, товарищ генерал. И ждать, пока мы соберём все сто «кипятильников», мы тоже не будем. План такой: как только закончим первую десятку от К1 до К10 — сразу отправляем их на Марс. Заодно в реальном бою протестируем, как электроды в их породу заходят и как автоматика держит давление. Если всё пойдет штатно, будем так же, партиями по десять штук, отгружать остальные. Хрен его знает, что там на этом Марсе может случиться. Вдруг, когда мы этот лед кипятить начнем, из подземных пещер марсиане с чайниками, как у товарища Сухова, прибегут и будут просить кипяточка? Надо подстраховаться.

Макаров понимающе хмыкнул, а Ковалев удивленно поднял глаза от блокнота:

— Постойте, Серж... Но, если отправлять аппараты десятками, это же огромный штат космонавтов! Снабжение, кислород, системы жизнеобеспечения для каждой тарелки...

— А людей мы внутрь этих кастрюль сажать вообще не будем, — отрезал Серж. — Какой смысл живому пилоту сидеть в этой пятидесятиметровой дуре и париться, пока под

ним суп варится? Системы жизнеобеспечения на «кипятильниках» — это лишний вес и усложнение конструкции. Лететь они будут в автоматическом режиме.

Генерал прищурился, мгновенно просчитывая схему: — То есть... беспилотники? А если сбой связи? Вспышка на Солнце?

— Вот для этого нам и нужен один-единственный пилотируемый корабль, — Серж взял со стола маркер и быстро нарисовал на планшете крупный треугольник, а за ним — вереницу мелких кружков. — Назовем его «Мама-утка». Это будет наш флагман сопровождения с двойным дублирующим экипажем на борту — четыре человека лучших из лучших. А за ним, строго в кильватерном строю, как утята, пойдут наши беспилотные «кипятильники». «Утка» ведет всю группу и корректирует курс по отклонению.

Серж провел маркером линию до самого Марса:

— Когда группа подлетает к планете, «Мама-утка» бережно, по очереди, с помощью дистанционного управления сажает своих «утят» на ледяные гнёзда полярной шапки. Пилоты с орбиты проверяют, что штыри вошли, реакторы запустились и процесс, как говорится, пошел. Убедившись, что пар вовсю хлещет и Марс начал прогреваться, «Утка» разворачивается и летит обратно к Земле — за следующей партией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.